

УДК 330.8 (045)

МЕРКАНТИЛИСТСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И.Т. ПОСОШКОВА

ЯДГАРОВ ЯКОВ СЕМЕНОВИЧ*доктор экономических наук, профессор кафедры «Экономическая история и история экономических учений»,
Финансовый университет, Москва, Россия***E-mail:** yakovyadgarov@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются исторически сложившиеся предпосылки возникновения разномыслия и споров в связи с творческим наследием одного из выдающихся российских ученых-экономистов начала XVIII столетия И.Т. Посошкова. Выявляются и раскрываются сущностные аспекты меркантилистских и немеркантилистских извлечений из его «Книги о скудости и богатстве». Посредством ретроспективного анализа альтернативных оценок экономического учения И.Т. Посошкова в прошлом и настоящем аргументируется, что творческое наследие этого российского исследователя в теоретико-методологическом контексте не может характеризоваться как соответствующее физиократизму либо классической политической экономии в целом и тем более институционализму и обосновывается вывод о том, что оно является исключительно меркантилистским.

Ключевые слова: Посошков; рыночные экономические отношения; российская экономическая наука; меркантилизм и протекционизм; физиократизм; классическая политическая экономия и экономический либерализм; советский и постсоветский периоды; институционализм; программа реформ.

THE MERCANTILIST BASIS OF THE INTELLECTUAL LEGACY OF IVAN POSODHKOV

YAKOV S. YADGAROV*ScD (Economics), full professor of the Economic History and the History of Economic Doctrines Chair, the Financial University, Moscow, Russia***E-mail:** yakovyadgarov@mail.ru

ABSTRACT

The article examines historical preconditions that gave rise to disagreements and disputes regarding the intellectual legacy of one of the prominent Russian economists of the early XVIII century Ivan Pososhkov. Essential aspects of mercantilist and non-mercantilist extracts from his Book of Poverty and Wealth («Kniga o skudosti i bogatstve») are revealed and described. Through a retrospective analysis of past and present alternative assessments of Pososhkov's economic doctrine it is reasoned that the intellectual legacy of the Russian self-taught economist viewed in the theoretical and methodological context cannot be regarded as belonging to the physiocratism or the classical political economy in the whole, including the institutionalism. It is concluded and proved that Pososhkov's views are mercantilist in their essence.

Keywords: Pososhkov; economic market relations; Russian economic science; mercantilism and protectionism; physiocratism; classical political economy and economic liberalism; Soviet and post-Soviet periods; institutionalism; reformation program.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ РАЗНОМЫСЛИЯ И СПОРОВ В СВЯЗИ С ТВОРЧЕСКИМ НАСЛЕДИЕМ И.Т. ПОСОШКОВА

Проявлявший себя на протяжении XVI — XVIII вв. меркантилизм современным экономическим научным сообществом рассматривается как начало экономической науки и одновременно этап апробации «новых»,

базирующихся на протекционистских мерах в сферах промышленного, аграрного производства и внешней торговли хозяйственных отношений — этап, именуемый ныне рыночными экономическими отношениями. Общеизвестно и то, что в недрах самого меркантилизма на рубеже XVII–XVIII и вплоть до середины и второй половины XVIII в. стала проявлять себя (благодаря сочинениям прежде всего У. Петти

и П. Буагильбера, Ф. Кенэ и А. Смита) альтернативная меркантилизму экономическая идеология — классическая политическая экономия.

Поэтому важно обратить внимание именно на вышеотмеченное обстоятельство, когда в течение XVIII столетия действительно реально сосуществовали два во многом противоположных с теоретико-методологических позиций направления мировой экономической мысли. При этом в процессе идейного противоборства представителей этих направлений складывалась ситуация, свидетельствующая о приближавшемся завершении меркантилизма и, наоборот, о начале постепенного доминирования хозяйственной идеологии классической политической экономии по сравнению с меркантилистской идеологией хозяйствования. Своеобразие такого рода ситуации определенным образом влияло и продолжает влиять до сих пор на результаты историко-экономических изысканий, направленных на осмысление особенностей творческого наследия отечественных ученых-экономистов этого, на первый взгляд, давнего периода.

Сказанное в полной мере проявляется подчас полярными трактовками и оценочными суждениями, связанными с определением места и роли в истории российской экономической науки тех или иных ученых-экономистов, творчество которых, как, например, И.Т. Посошкова — автора весьма известного сочинения под названием «Книга о скудости и богатстве» — имело место в XVIII в. Причем оговоримся сразу, если обратить внимание на, казалось бы, ключевое слово в наименовании этой книги — «богатство», то оно решительно ничего не проясняет, поскольку это слово присутствует в заголовках книг как именитых меркантилистов, в частности Т. Мена (1664) и др., так и классиков, к примеру, А. Смита (1776) и др.

В ряду исследователей, изучавших творческое наследие И.Т. Посошкова, важно отметить исторически сложившуюся в этой связи заслугу М.П. Погодина. Его заслуга заключается не только в том, что ему (почти через 120 лет забвения «Книги о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова, рукопись которой была завершена еще в 1724 г.) удалось впервые в 1842 г. обеспечить ее издание. Состоит она (заслуга) еще и в том, что, издав «Книгу», М.П. Погодин тем самым ввел в научный оборот многообразные небезынтересные

и актуальные и в наши дни политэкономические аспекты этого сочинения.

Однако с тех пор и по настоящее время — более чем полтора столетия — споры вокруг личности И.Т. Посошкова и в связи с его научным наследием (особенно в части значения знаменитого сочинения для судеб российской экономической науки) не только не утихают, но все более усиливаются. Мнения отечественных историков-экономистов за истекший период сложились на этот счет настолько разнообразными и противоречивыми, что одни видят в И.Т. Посошкове убежденного отечественного меркантилиста, а в его трудах — основополагающие признаки меркантилистского экономического учения. Другие характеризуют его как физиократа и соответственно приверженца ведущей роли в хозяйственной жизни и приумножения национального богатства аграрного сектора. Есть в их числе и те, кто относит автора «Книги о скудости и богатстве» к числу российских представителей классической политической экономии. Наконец, в последнее время нередко заявляют о себе такие исследователи, которые с уверенностью причисляют его к российским представителям институционализма.

Учитывая столь обширную палитру разномыслия, возникшую в результате попыток выявить место и роль творчества И.Т. Посошкова в эволюции российской теоретической экономики, представляется необходимым заметить следующее. Каждое оценочное суждение о личности конкретного ученого-экономиста и значении его научных изысканий в истории отечественной экономической науки должно базироваться на целостной системе аргументов, выводов и обобщений. Только таким образом, на наш взгляд, возможно взвесить все «за» и «против» для принятия либо непринятия той или иной точки зрения, того или иного оценочного суждения о каком бы то ни было ученом-экономисте, включая И.Т. Посошкова, о чем и пойдет речь ниже.

МЕРКАНТИЛИСТСКИЕ ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ И.Т. ПОСОШКОВА

Постулирование утверждения о том, что И.Т. Посошков является меркантилистом, а его творчество — меркантилистским, было первым оценочным суждением в российской

историко-экономической литературе, к которому пришел А.Г. Брикнер на страницах опубликованной им в 1876 г. в Санкт-Петербурге книги под названием «Иван Посошков. Ч.І. Посошков как экономист». Позднее подобного рода оценку посошковскому научному наследию дал также Б.Б. Кафенгауз, «издавший в 1937 и 1951 гг. наиболее полный вариант “Книги о скудости и богатстве”» [1]. Так, Б.Б. Кафенгауз, ссылаясь, в том числе, на упомянутую работу А.Г. Брикнера, приводит следующие аргументы, свидетельствующие о том, что И.Т. Посошков является исключительно меркантилистом [2]:

- большое внимание Посошков уделяет достижению наиболее выгодных условий для торговли с иностранцами;
- он (Посошков. — Я.Я.) настаивает на сокращении привоза иностранных товаров, в особенности предметов роскоши, и на увеличении русского вывоза;
- Посошков является сторонником активного торгового баланса, хотя прямо не говорит об этом;
- в своей книге он часто указывает на необходимость сбережения денег внутри страны;
- Посошков высказывает общее принципиальное положение, характерное для экономистов меркантилизма, о желательности вместо вывоза сырья перерабатывать его на отечественных мануфактурах;
- Посошков ставит перед страной задачу не только удовлетворять свои потребности изделиями собственной промышленности, но и вывозить их за границу;
- Посошков является одним из крупнейших представителей меркантилизма не только в русской, но и в мировой литературе, ... превосходит западноевропейских представителей меркантилизма широтой мысли, охватывающей не только вопросы промышленности, торговли и денежного обращения;
- Посошков предлагал точно определить в законе размеры крестьянских повинностей, оброка и барщины в пользу помещика, настаивал на отделении помещичьей земли от крестьянской.

Оценочные размышления и извлечения Б.Б. Кафенгауза о меркантилистской направленности творчества И.Т. Посошкова, за редким исключением и редкими «уточнениями» на всем

протяжении советского и даже постсоветского периодов, остаются, можно сказать, главенствующими.

В советском периоде в изданных многочисленными тиражами вузовских учебных изданиях приводились практически идентичные оценочные суждения как о личности, так и о значении творческого наследия И.Т. Посошкова. Типичным тому примером является, в частности, учебное пособие «История экономических учений» под редакцией В.А. Жамина и Е.Г. Василевского (1989), в котором И.Т. Посошков отнесен к числу таких российских меркантилистов, которые существенным образом отличаются от «западных» меркантилистов тем, что не признавали активный торговый баланс «единственным источником богатства» [3].

В постсоветском периоде, судя, к примеру, по учебному пособию С.А. Бартенева «История экономических учений в вопросах и ответах» (1998), можно встретить, по сути, однозначное суждение о том, что «Посошков придерживался взглядов на ход экономического развития, известных под названием “меркантилизм”» [4].

Солидарно с С.А. Бартеневым о российском меркантилизме и о творчестве И.Т. Посошкова высказывается также М.Г. Покидченко. В его статье «Российская экономическая мысль в русле мировой экономической науки», предваряющей раздел VII к тому I книги «Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков» (2004), говорится, что «в целом российская экономическая мысль развивалась в русле мировой экономической науки». Поясняя это суждение, он отмечает, как в середине XVII века в Россию стали проникать «идеи меркантилизма» и как «при Петре I с активизацией внешней торговли» эти идеи, в том числе благодаря И.Т. Посошкову, получили «дополнительный стимул, продолжая распространяться и в первой половине XVIII века» [5].

Что касается наличия «уточнений», касающихся неких исключительных (не «западных», а сугубо российских!) особенностей меркантилистских воззрений И.Т. Посошкова, то они сводятся чаще всего к тем идеологизированным — классово-формационным постулатам, которые, в частности, в учебном пособии Т.Г. Семенковой и О.В. Карамовой «История русской экономической мысли» (1997) изложены так [6]:

1) программа И.Т. Посошкова ... выражала интересы нарождавшейся торговой и промышленной буржуазии России;

2) Посошков, как и все русские экономисты, в отличие от западных меркантилистов, не отождествляет богатство с деньгами;

3) Посошков отмечал и необходимость развивать отечественную промышленность. В этом вопросе у Посошкова прослеживается меркантилистский подход;

4) в торговле Посошков стремился устранить конкуренцию и этим обеспечить высокую прибыль купцам;

5) меркантилистский характер носят и его высказывания о необходимости развития отечественной промышленности России для вывоза товара;

6) в целом взгляды Посошкова не могут быть полностью отнесены к меркантилизму. Их главное содержание — необходимость развития производства.

Эклектический и надуманный характер вышеприведенных сентенций Т.Г. Семенковой и О.В. Карамовой совершенно очевиден, если учесть, что, с одной стороны, судя по второму и пятому пунктам, И.Т. Посошков как апологет идей развития отечественной промышленности относится ими к числу убежденных сторонников «меркантилистского подхода». Но, с другой стороны, судя по шестому пункту, именно в силу приверженности этого ученого-экономиста приоритетному развитию промышленности отмечается, что его взгляды отнюдь «не могут быть полностью отнесены к меркантилизму».

«НЕМЕРКАНТИЛИСТСКИЕ» ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ ЭКОНОМИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ И.Т. ПОСОШКОВА

Далее нельзя обойти вниманием зарождение и генезис еще одной немеркантилистской метаморфозы оценочных суждений о месте и роли творческого наследия И.Т. Посошкова в советской и постсоветской истории экономической науки России.

Дело в том, что возникшим в конце XIX в. (с подачи А.Г. Брикнера и подхваченным в 30-е гг. XX в. Б.Б. Кафенгаузом) меркантилистским оценкам сущностных аспектов экономического учения автора «Книги о скудости и богатстве» с 70-х годов XX столетия исследователи все

чаще стали противопоставлять совершенно иные — немеркантилистские оценки. Характерно при этом то, что сначала в советском периоде в работах Л.М. Мордуховича (1970 и 1983 гг.), а позднее — в постсоветском периоде — некоторые другие российские историки-экономисты, аргументируя свою точку зрения, оперируют некими особо новыми «доказательными» доводами и размышлениями о научных достижениях И.Т. Посошкова.

Согласно их оценочным суждениям, этого российского ученого, несмотря на существенную разницу во времени (начало XVIII века!), вовсе не следует относить к когорте меркантилистов — ни отечественных, ни «западных». Они настаивают на том, что благодаря своему исследовательскому таланту и дальновидности И.Т. Посошков смог предвосхитить даже те фундаментальные теоретико-методологические положения, которые, как известно, были введены в научный оборот многим позднее него. Речь идет о возникших вслед за меркантилизмом нововведениях, традиционно связанных с именами и творчеством лидеров физиократизма, классической политической экономии в целом, а также зародившегося почти через два столетия после творчества И.Т. Посошкова (в начале XX века!) такого направления мировой экономической мысли, как институционализм.

Анализ немеркантилистских извлечений из экономического учения И.Т. Посошкова начнем на примере оценочных воззрений Л.М. Мордуховича в его книге «Главные этапы истории экономических учений» (1970). В ней он впервые предложил не считать впредь меркантилистами не только автора «Книги о скудости и богатстве», но и более раннего российского ученого (XVII век!) Ю. Крижанича. Полагая так, Л.М. Мордухович поясняет, что оба они являются «представителями буржуазной классической политической экономии, не получившей в России развития...», поскольку каждый из них «не разделяет основных положений меркантилизма и выдвигает аналогичную народнохозяйственную задачу выяснить причины, “отчего содевается напрасная скудость и отчего умножится может изобильное богатство”» [7].

Во многом похожие суждения высказывает Л.М. Мордухович в изданном в 1983 г. учебнике «История экономических учений» — на

страницах написанной им главы 2 в разделе 6. Здесь, почти вновь повторив свои суждения в собственном сочинении от 1970 г., он наряду с именами Ю. Крижанича и И.Т. Посошкова отнес к «представителям буржуазной классической политической экономии» в России в XVII веке еще и А.Л. Ордин-Нащокина, сделав при этом такие уточняющие комментарии:

- в XVII веке ... в отличие от западноевропейских меркантилистов первые русские политэкономы не ограничивали свои наблюдения сферой обращения, не отождествляли богатство с деньгами, ... заботились об увеличении товарооборота внутри страны, а внешнюю торговлю рассматривали преимущественно как орудие развития промышленности и сельского хозяйства;

- расходясь с меркантилистами, И.Т. Посошков, как и Ю. Крижанич, признавал получение положительной прибыли («прибытка») внутри страны и ставил величину ее в зависимость от производительности труда и уровня заработной платы;

- ранние представители классической буржуазной политической экономии, не получившей развития в России, ... создали оригинальные произведения, направленные на укрепление и рост могущества Русского государства [8].

Как видим, в вышеприведенных разъяснениях и комментариях Л.М. Мордуховича во главу угла поставлены некие частные признаки, а не совокупность общих и, в том числе главных, признаков классической политической экономии. К числу последних, как известно, в методологическом плане относятся прежде всего приверженность ее представителей принципам экономического либерализма (а не протекционизма) и постулатам автоматической регулируемости экономики, а также видение источника национального богатства исключительно в сфере производства. А в теоретическом плане — постулирование, во-первых, затратной интерпретации (через затраты труда либо совокупность производственных издержек) теории стоимости и ценообразования и, во-вторых, базирующейся на этой теории еще и теории формирования и распределения доходов между основными классами общества.

Немеркантилистские извлечения из экономического учения И.Т. Посошкова в публика-

циях постсоветского периода проявляют себя, по меньшей мере, трояко, поскольку в них речь идет о признании этого ученого то политическим мыслителем, то физиократом, то стоявшим у истоков институционализма исследователем.

Первое суждение имеет место, к примеру, в книге В.Д. Зотова и Л.В. Зотовой «История политических учений» (2005), где говорится, что И.Т. Посошков, обладая «высоким чувством долга и ответственности перед отечеством», был идеологом «абсолютизма применительно к специфическим российским условиям» и выступал «за самодержавную власть» и «проявлял антидворянскую настроенность» ...» [9]. В данной оценке отсутствует экономический контекст, поэтому с учетом тематики настоящей статьи необходимости в каких-либо дополнительных пояснениях, пожалуй, нет.

В отношении второго, физиократического оценочного суждения о творчестве И.Т. Посошкова можно сказать, что оно принадлежит Р.К. Гайнутдинову, автору главы 17 в книге «Экономическая история мира. Европа» (2004). На страницах этой главы, целиком посвященной автору «Книги о скудости и богатстве», говорится, что именно эта книга «дала основание исследователям включить Посошкова в число первых российских экономистов», но что «в современной историографии большинство, особенно среди экономистов, видят в Посошкове, как правило, меркантилиста». Не соглашаясь с ними (экономистами), Р.К. Гайнутдинов утверждает, что «в действительности взгляды Посошкова нельзя назвать вполне соответствующими меркантилистскому направлению экономической теории», что «нехарактерный для меркантилистов интерес к сельскому хозяйству сближает его с физиократами» [10].

Однако совершенно очевидная неприемлемость заключительного пассажа Р.К. Гайнутдинова состоит в том, что, во-первых, «интерес к сельскому хозяйству», исторически присущий физиократам, отнюдь не является лейтмотивом творчества И.Т. Посошкова. И, во-вторых, берущая свое начало с физиократов целостная доктрина *laissez faire* (экономического либерализма) опять же никак не увязывается с многообразными протекционистскими размышлениями автора «Книги о скудости и богатстве».

Наконец, о целесообразности признания экономического учения И.Т. Посошкова скорее институционалистским, чем меркантилистским, одними из первых в российской (постсоветской) экономической литературе заявили в своих сочинениях Д.Н. Платонов, Ю.Ф. Воробьев, Т.Г. Семенкова, О.В. Карамова и другие.

По мнению Д.Н. Платонова (1997), немеркантилистская направленность оценки творчества И.Т. Посошкова (равно как и В.Н. Татищева) правомерна по той причине, что оба они «стоят не только у начал национальной теоретической экономики, но и открывают историю институционального направления экономической науки в России». И подтверждается это утверждение, полагает Д.Н. Платонов, в числе прочего тем, что:

- как Посошкову, так и Татищеву российское общество и его экономика представлялись цельным и самодостаточным предметом реформаторских забот;
- впервые в отечественной мысли он (Посошков. — Я.Я.) пришел к идее своеобразного устойчивого способа преобразований, когда опора на прежние или традиционные институты, даже их определенная реставрация, меняет характер новаций;
- для него (Посошкова. — Я.Я.) не свойственна характерная для меркантилистических доктрин однобокость взгляда на развитие национальной экономики, а также заорганизованность методов экономической политики;
- такой слишком широкий подход к науке привел к тому, что для Татищева (как и для Посошкова) обыденные представления вообще часто «перемешаны» с теоретическими суждениями [1].

Коротко рассмотрим далее совместную брошюру к материалам научной конференции «Русская школа экономической мысли: прошлое и настоящее» (Москва, 15–16 января 2000 г.), изданную Ю.Ф. Воробьевым и Т.Г. Семенковой. Назвав ее «Особенности становления и характерные черты “Русской школы” экономической мысли» (2000), эти авторы, как и в обозначенных выше размышлениях Д.Н. Платонова, акцентируют внимание на особенностях реформаторских (но не таких, как на Западе!) программ в экономическом учении И.Т. Посошкова. Они в этой связи утверждают следующее: «Сочинения Ивана Тихоновича Посошкова, в которых

он предлагал свои, отличные от Запада, программы для реформирования экономики России, явились ярким примером развития постулатов “Русской школы”. Программа Посошкова, разработанная на основе глубокого понимания состояния России, выражала интересы нарождающегося торгового и промышленного капитала в России».

В качестве аргументов, свидетельствующих о том, что автор «Книги о скудости и богатстве» не может быть отнесен к меркантилистам, ими отмечается два момента. Согласно первому, «Посошков, как и все русские экономисты, в отличие от западных меркантилистов, не отождествлял богатство с деньгами». И второй аргумент: «богатство государства Посошков видел в создании таких условий в стране, при которых путем обогащения всего народа будет обеспечен непрерывный рост государственных доходов».

Аргументом же, достаточным для признания И.Т. Посошкова прародителем российского институционализма, Ю.Ф. Воробьев и Т.Г. Семенкова считают следующее:

- богатство, по мнению Посошкова, может быть вещественное и невещественное;
- от «праведных» законов зависит рост «вещественного богатства» и возможность «избавить народное хозяйство от бесчисленных налогов» [11].

В отношении же суждений О.В. Карамовой, связанных с оценкой экономического учения И.Т. Посошкова, судя по материалам подготовленной ею и посвященной анализу его творчества главы 5 к коллективной книге «Институциональная история экономики России в XVIII веке» (2004), следует указать на двойственный и взаимоисключающий характер изложенных в ней сентенций. Ведь, в конечном счете, И.Т. Посошков характеризуется ею одновременно и как институционалист, и как меркантилист, что подтверждается такими ее выводами и обобщениями:

1) многие идеи (Посошкова. — Я.Я.) остаются актуальными и для нашего времени, а научные подходы входят в инструментарий институционального и неинституционального направления;

2) Посошков впервые в русской и мировой экономической мысли реализовал подход в изучении экономического реформирования,

который теперь мы называем институциональным;

3) современная идея об органическом соединении в единой институциональной системе разных институтов по происхождению и срокам существования (возрасту) впервые в российской экономической мысли была высказана И.Т. Посошковым;

4) высказывания И.Т. Посошкова о торговле и промышленности дают нам некоторые основания отнести его к меркантилистскому направлению экономической мысли в России [12].

ПОЧЕМУ ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И.Т. ПОСОШКОВА ЯВЛЯЕТСЯ ВСЕ ЖЕ МЕРКАНТИЛИСТСКИМ

В завершающей части статьи стоит задача дать краткое, но вместе с тем емкое и аргументированное обоснование того, почему творческое наследие И.Т. Посошкова, достигшее своего апогея в начале XVIII в., является все-таки меркантилистским, а не иным (физиократическим; вообще, как у классиков; институционалистским), о чем уже упоминалось выше.

Начнем с того, что творчество этого, без преувеличения, крупного российского ученого-экономиста и прежде всего его «Книгу о скудости и богатстве» необходимо рассматривать и оценивать, конечно же, через призму общих признаков и черт, присущих основным этапам и направлениям эволюции мировой и отечественной хозяйственной жизни и экономической мысли. Вспомним поэтому еще раз, что начало XVIII в. в этом смысле является периодом, когда, по общему признанию историков-экономистов, повсеместно наблюдалось, образно говоря, дальнейшее угасание парадигмы меркантилистской протекционистской идеологии и завершение собственно меркантилизма, а в недрах меркантилизма зарождались и активно развивались либеральные основания классической политической экономии и политики экономики свободной конкуренции. Одним из наиболее ярких моментов в либеральной парадигме классической политической экономии является, как известно, неприятие теории и практики так называемого «указного» (по принципу «справедливых цен») ценообразования (возникших еще во времена натурально-хозяйственной идеологии и востребованных вплоть до завершения меркантилизма)

и противопоставление им теории свободного ценообразования. И, несмотря на определенные дискуссии в области теории стоимости и ценообразования между лидерами «классической школы» (от А. Смита до К. Маркса), все же каждый из них решительно осуждал протекционистские начала в практике хозяйствования и ценообразования, настаивая на недопустимости в условиях рыночных экономических отношений каких бы то ни было «указных» цен.

На страницах же «Книги о скудости и богатстве» концептуальная позиция И.Т. Посошкова в области теории стоимости и ценообразования проявляется исключительно в духе натурально-хозяйственной идеологии и протекционистских экономических воззрений меркантилистов в высказываниях и утверждениях о формировании «указных цен»:

- «... купечество у нас в России чинитца вельми неправо: друг друга обманывает и друг друга обидит, товары худые закрашивают добрыми и вместо добрых продают худые и цену берут непрямую, и между собою союза ни малого не имеют, друг друга ядят, и тако вси погибают;

- в зарубежных торгах коварства между собою не имеют и у иноземцев товары покупают без согласия своего товарищества;

- купечеством всякое царство богатитца, а без купечества никакое и малое государство быть не может, ... великим охранением блости их надлежит и от обид их оберегати, дабы они ... его императорскому величеству приплод бы несли со усердием;

- а в другое лето буде приедут (иноземцы. — Я.Я.), то надлежит нам на свои русские товары ко установленной прошлогодней цене приложить на рубль по гривне иль по четыре алтына или как о том указ великого государя состоится, како бы купечеству слично было и деньги бы в том товаре даром не прогуляли;

- и аще иноземцы упрямяство свое и отложат и станут товары свои возить к нам по прежнему и наших товаров себе востребуют, а уже цены на русские товары прибавленной отнюд бы не убавливать и в предьбудущие годы по той же наложенной цене продавать, по чему во упорстве их иноземским наложила» [13].

Важно далее подчеркнуть, что смена меркантилизма классической политической экономией,

а последней другими направлениями экономической мысли, вплоть до неоклассицизма и институционализма, исторически происходила не одновременно, и всякий раз она (смена) становилась возможной в силу конкретных исторических предпосылок.

Эти предпосылки проявлялись и проявляются по мере осуществления в практике хозяйственной деятельности тех или иных стран мира, в том числе России, таких мероприятий, которые обуславливают существенный качественный прорыв в сфере хозяйственной жизни. Имеется в виду то, что перманентный процесс эволюции рыночной хозяйственной системы, генерируя (в силу исторических особенностей каждой конкретной страны) новые предпосылки, достижения и возможности для их масштабной и успешной реализации в национальной экономике конкретного государства, сначала (XVI век! — Я.Я.) способствовал формированию условий, присущих национальной экономике с меркантилистской экономической идеологией.

Затем последующие хозяйственные нововведения, предпосылки и достижения исторически способствовали возникновению и конкурентному сосуществованию все новых и новых школ и направлений экономической мысли и соответственно новых концепций и теорий. В их числе имеется в виду зарождение (на рубеже XVII–XVIII столетий) и становление (в середине и второй половине XVIII в.) классической политической экономии, формирование (в течение первой половины XIX в.) таких альтернативных ей направлений, как экономический романтизм, утопический социализм, немецкая историческая школа и т.д.

Итак, принимая во внимание сущностные аспекты способствующих разложению меркантилизма предпосылок и достижений в сфере хозяйственной жизни и их влияние на зарождение новых — альтернативных меркантилизму школ и направлений экономической мысли в условиях рыночной системы хозяйствования, правомерным будет высказать следующие два обобщающих положения на этот счет.

Первое. В период творчества И.Т. Посошкова, вплоть до начала XVIII в., российская экономика не располагала еще основополагающими составляющими хозяйственной системы

с рыночными экономическими отношениями, которые обуславливали бы возникновение либеральной экономической идеологии, присущей, в частности, воззрениям адептов школы физиократов и классической политической экономии в целом. Причем впоследствии (конец XIX — начало XX вв.) либеральной экономической идеологии придерживались вытеснившие ценности классической политической экономии в экономической науке приверженцы ортодоксального неоклассицизма.

Второе. В знаменитой «Книге о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова нет сколь-нибудь отчетливых проявлений должного представления им о количественных и качественных хозяйственных нововведениях и достижениях, которые мог бы отразить в части знаний о практике и преимуществах функционирования субъектов рыночной экономики в конкурентной среде и на принципах *laissez faire* (экономического либерализма).

И, наконец, о том, почему у современного научного экономического сообщества нет оснований воспринимать творческое наследие И.Т. Посошкова как институционалистское или хотя бы как начало институционализма в российской (и тем более мировой!) истории экономической науки. В связи с данным утверждением следует учесть:

1) институционализм исторически сформировался как направление мировой экономической мысли в 20-е — 30-е годы XX столетия и вообрал в себя лучшие достижения экономической науки той поры: маржиналистские нововведения раннего (ортодоксального) неоклассицизма, с одной стороны, и социально-исторические и неклассово-формационные нововведения немецкой исторической школы, с другой;

2) не повторяя своих идейных предшественников, институционалисты привнесли в экономическую науку концепцию монополизации рыночной экономики посредством реформ и под эгидой государства с тем, чтобы воссоздать и гарантировать сохранение и поддержание таких непреходящих ценностей рыночных экономических отношений, как приоритет в хозяйственной жизни свободной конкуренции и частной собственности;

3) не только И.Т. Посошков, но и любой другой исследователь начала XVIII столетия, даже

если он и оперировал понятиями реформаторских преобразований, не мог тогда — за 200 лет до формирования и обособления институционализма — предвосхитить основные постулаты и теоретико-методологические нововведения этого направления в истории мировой экономической мысли;

4) ни в «Книге о скудости и богатстве», ни в других сочинениях И.Т. Посошкова мы не обнаружим отчетливых, как у институционалистов, сентенций в пользу всемерной либерализации экономики посредством, в том числе, реформ по ее демонополизации;

5) идеологию институционализма нельзя даже вообразить без приверженности ее адептов инструментарию предельного экономического анализа, без предпочтения доминировавшему в экономической науке, вплоть до середины XIX в., каузальному (причинно-следственному) аналитическому инструментарию функционального аналитического подхода в осмыслении механизма взаимодействия многообразных влияющих на хозяйственную жизнь экономических и неэкономических факторов и т.д.

ВЫВОДЫ

1. «Книга о скудости и богатстве» И.Т. Посошкова, впервые изданная в 1842 г. (после почти 120-летнего забвения со времени завершения ее рукописи), вот уже более чем полтора столетия вызывает вокруг личности и научного наследия этого ученого споры и альтернативные оценочные суждения, которые становятся все более разнообразными и противоречивыми; в результате в последнее время в одних источниках российской историко-экономической литературы этого ученого характеризуют как убежденного отечественного меркантилиста, в других — физиократа, в третьих — представителя классической политической экономии, в четвертых — российского представителя институционализма.

2. Оценочное суждение о личности конкретного ученого-экономиста и значении его научных изысканий в истории отечественной экономической науки должно базироваться на целостной системе аргументов, выводов и обобщений; только таким образом возможно, образно говоря, взвесить все «за» и «против» для

принятия либо непринятия той или иной точки зрения, того или иного оценочного суждения о каком бы то ни было ученом-экономисте, включая И.Т. Посошкова.

3. Постулирование с конца XIX в. утверждения о том, что И.Т. Посошков является меркантилистом, а его творчество — меркантилистским было первым оценочным суждением в российской историко-экономической литературе о нем; подобного рода оценочные размышления и извлечения, за редким исключением и редкими «уточнениями», на всем протяжении советского и даже постсоветского периодов остаются главенствующими.

4. И.Т. Посошков согласно единственной в советском периоде немеркантилистской оценке его творчества характеризовался как представитель «буржуазной классической политической экономии»; в постсоветском периоде в соответствии с некоторыми оценочными суждениями этот ученый характеризуется тройко: то как политический мыслитель, то как физиократ, то как исследователь, стоявший у истоков институционализма.

5. Творческое наследие И.Т. Посошкова, рассматриваемое и оцениваемое через призму общих признаков и черт, присущих основным этапам и направлениям эволюции мировой и отечественной хозяйственной жизни и экономической мысли, является все-таки меркантилистским; он, будучи ученым-экономистом начала XVIII в., не обладал должными представлениями и знаниями о хозяйственных нововведениях, достижениях и преимуществах в практике функционирования рыночной экономики в условиях конкурентной среды и на принципах *laissez faire* (как у представителей классической политической экономии) и тем более в условиях демонополизации экономики (как у представителей институционализма).

ЛИТЕРАТУРА

1. Платонов Д.Н. Начало экономической науки в России (первая половина XVIII века): автореф. дис. ... д-ра экон. наук. — М.: Издательство МГУ, 1997. — 30 с.
2. Кафенгауз Б.Б. И.Т. Посошков и общественно-политическая литература эпохи Петра I. — СПб.: Наука, 2004. — С. 281–312.

3. История экономических учений. Ч. I: учебное пособие / Под ред. В.А. Жамина, Е.Г. Василевского. — М.: Издательство МГУ, 1989. — 368 с.
4. Бартнев С.А. История экономических учений в вопросах и ответах: Учебно-методическое пособие. — М.: Юристъ, 1998. — С. 33.
5. Покидченко М.Г. Российская экономическая мысль в русле мировой экономической науки // Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. В 5 т. Т. I. — М.: Мысль, 2004. — С. 595.
6. Семенкова Т.Г., Карамова О.В. История русской экономической мысли: учебное пособие. М.: Издательство Финансовой академии, 1997. — С. 79, 82–84, 86.
7. Мордухович Л.М. Главные этапы истории экономических учений: учебное пособие. Вып. I. — М.: МИНХ им. Г.В. Плеханова, 1970. — С. 48, 50.
8. Рындина М.Н., Василевский Е.Г., Голосов В.В. История экономических учений: учебник. — М.: Высшая школа, 1983. — 559 с.
9. Зотов В.Д., Зотова Л.В. История политических учений: учебник. — М.: Юристъ, 2005. — 605 с.
10. Экономическая история мира. Европа / Под общ. ред. М.В. Конотопова. — М.: Дашков и К, 2004. — 636 с.
11. Воробьев Ю.Ф., Семенкова Т.Г. Особенности становления и характерные черты «Русской школы» экономической мысли. — М.: Институт экономики РАН, 2000. — 20 с.
12. Институциональная история экономики России в XVIII веке / Под общ. ред. О.В. Карамовой. — М.: Компания Спутник+, 2004. — 181 с.
13. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Редакция и комментарии Б.Б. Кафенгауза. — М.: Издательство АН СССР, 1951. — 412 с.
2. Kafengauz B.B. Ivan Pososhkov and Socio-Political Literature of the Petrine Epoch. — St. Petersburg.: Nauka Publishers, 2004. — pp. 281–312 (*in Russian*).
3. The History of Economic Doctrines. Part I: a Manual / Ed. V.A. Zhamin, Ye.G. Vasilevsky. — Moscow: Moscow State University Press, 1989. — 368 pages (*in Russian*).
4. Bartenev S.A. The History of Economic Doctrines in Questions and Answers: a Manual. — М.: Yurist Publishers, 1998. — p. 33 (*in Russian*).
5. Pokidchenko M.G. The Russian Economic Thought in the Mainstream of World Economic Science // World Economic Thought. Through the Prism of Centuries. In 5 volumes. V. I — М: Mysl Publishers, 2004. — 595 pages (*in Russian*).
6. Semenkova T.G., Karamova O.V. The History of the Russian Economic Thought: a Manual. Moscow: Finance Academy Publishers, 1997. — pp. 79, 82–84, 86 (*in Russian*).
7. Mordukhovich L.M. The Milestones of the History of Economic Doctrines: a Manual. Issue I. — М. The Plekhanov Moscow Institute of Economy, 1970. — pp. 48, 50 (*in Russian*).
8. M.N., Vasilevsky Ye.G., Golosov V.V. The History of Economic Thought: a Textbook. — Moscow: Higher School Publishers, 1983. — 559 pages (*in Russian*).
9. Zotov V.D. Zotova L.V. The History of Political Doctrines: a textbook. — М.: Yurist Publishers, 2005. — 605 pages (*in Russian*).
10. The Economic History of the World. Europe / Ed. M.V. Konotopov. — М.: Dashkov i K Publishers, 2004. — 636 pages (*in Russian*).
11. Vorobyev Yu.F, Semenkova T.G. Development and Specific Features of the «Russian school» of Economic Thought. — М.: The Russian Academy of Sciences Institute of Economics, 2000. — 20 pages (*in Russian*).
12. The Institutional History of the Russian Economy in the XVIII Century / Ed. O.V. Karamova. — Moscow: Company Sputnik + Publishers, 2004. — 181 pages (*in Russian*).
13. Pososhkov I.T. A Book of Poverty and Wealth and other works/ Editorship and comments of B.B. Kafengauz. — Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1951. — 412 pages (*in Russian*).

REFERENCES

1. Platonov D.N. Emergence of the Economic Science in Russia (the First Half of the XVIII Century): Synopsis of ScD Thesis — Moscow: Moscow State University Press, 1997. — 30 pages (*in Russian*).